

Глава 32. Широкий жест

— Братик, а тот вчерашний человек... он правда герой? — Сяо Хань шёл вприпрыжку, крепко держась за его руку. — Все говорят, что герои — люди благородные, но тот мне совсем не понравился.

Они оставили позади шумный пятачок у палатки сказителя и неторопливо пошли в сторону трактира «Как пожелаешь».

— Может, «герой» — это просто слово?

Лю Мухань и сам толком не знал, всегда ли великие герои благородны и справедливы. Сколько он себя помнил, вокруг только и твердили, что это защитники слабых, однако те «праведники», с которыми ему доводилось сталкиваться в последнее время, на деле оказывались далеки от идеала.

И наоборот: те, кого в народе звали «дьяволами», «странными стариками» или «белолицыми учеными», вовсе не казались ему злодеями. К ним он испытывал куда больше симпатии.

Сам для себя Мухань давно всё решил, но Сяо Хань был ещё слишком мал, и сеять в его душе сомнения, идущие вразрез с устоями цзянху, не хотелось.

Малыш потянул его за рукав:

— Сяо Хань не любит героев. Братик, давай ты их тоже любить не будешь, а?

Мухань мягко улыбнулся:

— Сяо Хань, «герой» — это ведь не какой-то один человек. Их много. Вот вырастешь, возмужаешь и, быть может, сам им станешь.

— Правда? — Мальчик озадаченно склонил голову набок. — Но я ведь их не люблю. Братик, а можно мне не становиться героем, когда я вырасту?

— Тут уж не тебе решать, — рассмеялся Мухань. Ему нравились эти бесхитростные расспросы, уводящие в сторону от сложных размышлений о добре и зле. — Словом «герой» людей награждают другие. Особенно простые люди. Народ ведь понятия не имеет, каков человек на самом деле, но им отчаянно хочется верить в справедливость. Вдруг среди десятка подлецов, зовущихся героями, отыщется один настоящий?

— Но если хороший только один, почему всех этих злых людей тоже зовут героями? — не унимался ребёнок.

Мухань вздохнул и покачал головой:

— Этого и я не знаю, глупыш. Наверное, всё дело в том, носит ли человек это звание в своём сердце. Те, кто носит, понимают: зваться героем — великий долг, и нужно жить по совести. А для остальных это пустой звук, просто красивое слово. Вот они и творят что вздумается.

Сяо Хань опустил голову:

— Те, кто не носит его в сердце, ужасно противные.

— Вот и договорились, — ласково улыбнулся Мухань. — Будем уважать только тех, у кого это слово в самом сердце. Идёт?

Немного подумав, малыш со всей серьёзностью кивнул:

— Если ты станешь героем, братик, я буду тебя любить. А если нет — то и героев этих мне даром не надо.

Мухань хотел было по привычке пуститься в наставления, но он невольно улыбнулся. Тепло заполнило грудь, и он тихо, счастливо рассмеялся:

— Хорошо. Тогда я приложу все силы, чтобы стать настоящим героем. Договорились?

Мальчик повернул к нему лицо и незрячими глазами уставился на брата:

— Не смейся. Я ведь серьёзно говорю.

— Знаю, знаю, ты у меня всегда сама серьёзность, — Мухань опустился перед ним на корточки и взял его крохотные ладошки в свои. — Обещаю тебе. Я буду очень стараться. Стану именно таким героем, каким ты хочешь меня видеть.

Сяо Хань порывисто обнял его за шею, повиснув всем телом:

— Если обманешь, я тебе больше никогда-никогда не поверю!

Выпрямившись, Мухань легко поднял мальчика на руки, бережно прижал к себе и похлопал по спине:

— Не обману. Никогда тебя не обману, малыш.

Пусть его энергетические меридианы были безнадежно разрушены, при нём осталась память о боевых техниках и выверенных стойках. Обещание, данное названому брату, вовсе не обязывало его гнаться за дешёвой славой в поднебесной. Он просто хотел поступать по совести и быть для Сяо Ханя надёжной опорой.

В этот миг Мухань отчётливо понял, что для него значит это слово. Пускай в нынешнем цзянху истинный смысл стёрся, в душах простых людей образ благородного защитника оставался нерушим. И если титул «великого героя» превращался в пустую звенящую медь, те, кто носил его, не имели права зваться воинами справедливости.

Пройдя ещё немного по оживлённой улице, Мухань приметил лавку тканей.

Малыш всё ещё кутался в его старое тряпье. Рукава висели мешком, а грубая, дешёвая дерюга то и дело натирала незажившие раны. Сам Мухань давно привык обходиться малым, но смотреть на страдания израненного ребёнка у него не хватало сил.

Обновить гардероб Сяо Ханю он планировал ещё вчера, однако внезапная стычка спутала все карты. Обратную дорогу до постоянного двора он прошёл как в тумане, борясь с накатывающим страхом, и о покупках, разумеется, позабыл.

Теперь же, решительно настроившись исправить упущение, Мухань покрепче перехватил мальчика и переступил порог лавки.

Стоило ему войти, как сидевший за прилавком прислужник скривился, точно от зубной боли:

— Мелкий отрез у нас стоит не меньше одного лян серебра. Нет денег — выкатывайтесь отсюда.

Мухань замер у самого входа. Он невольно заметил рулон простого холста в углу, над которым красовалась вывеска: «Двадцать взней за чи».

— И на холстину цена от лян начинается? — удивлённо спросил он.

Лян серебра — это целая тысяча взней. Если брать простую ткань на такую сумму, выйдет не меньше пятидесяти чи. Для обычного человека — целое состояние, зачем кому-то столько за раз?

— А хотя бы и так! Мой товар — мои правила, тебе-то что за забота? — лавочник презрительно фыркнул. — Проваливай, если в карманах свистит. Расходились тут всякие оборванцы, только покупателей приличных распугивают!

Мухань растерянно моргнул. Он собирался было спросить, нельзя ли набрать разных лоскутов на этот лян, но быстро заметил свои залатанные обноски и всё понял. Его попросту посчитали

нищим.

Одежда на них и впрямь была убогой. Эту дешёвую домотканую холстину с узелками и прорехами он выменял у деревенских ткачих — те отдавали бракованные рулоны за бесценок, поскольку в городе за них никто и гроша бы не дал.

В глухомани мало кто владел ткацким ремеслом, и новые вещи крестьяне видели по большим праздникам. О красоте никто не думал — лишь бы прикрыть наготу да защититься от ветра. Бракованный, но дешёвый холст расходился среди бедноты мгновенно.

Конечно, Муханю доводилось носить и добротное платье. В Ордене Свободного скитания, затем в Малом загородном поместье и позже, когда на вершине горы ещё оставался Странный старик, его одевали вполне прилично.

Но два года назад дед ушёл. Мухань начал быстро расти, вытягиваясь вверх, а постоянная беготня по лесам, охота и лазанье по скалам быстро превратили его прежние наряды в лохмотья.

С тех пор он жил среди крестьян, переняв их привычки. Свободных денег у него водилось немного, а неказистая деревенская холстина, хоть и кололась, сносу не знала. Стоило рукаву протереться — он ставил заплату и снова шёл в горы.

В деревне все поголовно ходили в заплатках, так что косых взглядов парень на себе никогда не ловил и даже не задумывался о том, как выглядит со стороны.

Лишь очутившись в городе, он начал замечать брезгливые мины прохожих. Именно поэтому он и решил заглянуть в лавку, чтобы справить им с Сяо Ханем нормальную одежду. Но столкнувшись с таким откровенным хамством прямо с порога он никак не ожидал.

«Что ж, раз не рады — не больно-то и хотелось», — подумал Мухань. В конце концов, лавочника можно понять: от оборванцев прибыли никакой, один сор на чистом полу. Зла парень не держал — обидно, конечно, но драться из-за косого взгляда он не собирался.

Прижав к себе Сяо Ханя, он вежливо поклонился и отступил к выходу:

— Прошу прощения за беспокойство.

Выйдя на улицу, он огляделся и заметил наискосок через дорогу ещё одну вывеску. Не теряя времени, Мухань направился туда.

На этот раз он не стал заходить внутрь, а замер у порога и негромко спросил:

— Добрый день! Подскажите, у вас тоже ткань отпускают только от одного лянa?

За прилавком сидел молодой паренёк-подмастерье. Подняв глаза, он окинул взглядом худощавого юношу с истощённым ребёнком на руках, сопоставил его вопрос с тем, откуда тот пришёл, и сокрушённо покачал головой:

— Да бог с вами! Что за вздор? Мы торговцы, а не грабители с большой дороги. Отродясь у нас таких глупостей не бывало. Неужто вас из лавки напротив попёрли?

Мухань кротно кивнул:

— Ну да.

Паренёк выбрался из-за конторки и, зыркнув на витрину конкурентов, сплюнул:

— Не берите в голову. Там у зазывалы глаза на затылке выросли, только и умеет, что по одежке встречать. С простых работяг он три шкуры дерёт, а перед богачами в шелках готов на цыпочках скакать, даже если те купят лоскут на один вэнь. Проходите, не бойтесь! Выбирайте спокойно. Как определитесь, я с вас мерку сниму, чтобы лишнего не платить, и отрежу ровно сколько нужно.

Мухань радостно просиял:

— Правда? А можно отмерить отдельно на меня и на младшего брата?

— Отчего же нельзя? — улыбнулся парень. — У нас в задней комнате Старый мастер-портной сидит. Если хотите, мы не просто отрез сделаем, а сразу раскроим детали по вашим меркам. Дома останется только сшить на живую нитку или отдать швее.

— Вот это услуга! — Мухань заметно воодушевился. — Если раскроите сами, будет просто чудесно, а то я в этих мерках совсем не смыслю. Знай я заранее, сразу бы к вам пошёл. Сразу видно — солидное городское дело! Хотя... в городе, видать, лавка лавке рознь. На той стороне о таком и не слыхивали.

Паренёк ухмыльнулся:

— Да всё у них есть. Просто они прыгают только перед теми, у кого кошель лопаётся от золота.

Мухань лишь неопределённо покачал головой. Городские нравы казались ему дикостью.

Простодушная реакция парня заставила подмастерья рассмеяться. На душе у него потеплело

— вечное соперничество с заносчивыми соседями сегодня завершилось маленькой, но приятной победой.

— Вот именно. Так что выбирайте не спеша, а я подскажу, если что.

Мухань окинул взглядом стройные ряды разноцветных рулонов.

— Послушайте, а может, снимем мерки прямо сейчас? Чтобы я точно знал, сколько ткани уйдёт на две одёжки, и прикинул по деньгам.

Решив, что бедный юноша просто считает каждый грош, подмастерье согласно кивнул и споро достал гибкий портняжный аршин.

Дело спорилось в его руках. За считанные минуты он обмерил сначала Муханя, затем притихшего Сяо Ханя, то и дело бормоча под нос цифры. Понимая, что кроить будет опытный мастер и лишних обрезков не останется, паренёк не стал накручивать лишнего и округлил расход ткани в меньшую сторону.

Мухань выслушал расчёты, кивнул и принялся изучать ценники — аккуратные бумажные ярлычки, приколотые к каждому рулону.

Он прикинул в уме сумму, оставшуюся от щедрых подношений Главы зала Му, сопоставил с ценами и с удивлением обнаружил, что простая одежда стоит сущие копейки.

— Уважаемый... — окликнул он подмастерья.

— Да-да? Присмотрели что-нибудь?

Мухань уверенно затыкал пальцем в стопки отрезов:

— Вот этот рулон, потом этот, вон тот синий, серый... ещё вот этот узорчатый и тот, в углу...

Он перечислил больше десятка разных видов сукна и, сделав широкий, истинно щедрый жест, объявил:

— Заверните всё. И раскроите, пожалуйста, по тем меркам, что вы сняли.

Паренёк оцепенел. Он судорожно сглотнул, во все глаза глядя на покупателя:

— Вы... вы это серьёзно? Всё заберёте?

Мухань слегка нахмурился:

— Думаете, мало? Ну, остальные цвета нам как-то не к лицу. Не в пунцовом же шёлке нам с Сяо Ханем щеголять.

— Нет-нет, я не о том! — замахал руками подмастерье. — Вы правда готовы купить всё это?

— Разумеется, — Мухань запустил руку за пазуху, выудил тяжёлый серебряный слиток в десять лянов, вручённый ему главой зала Му, и с глухим стуком опустил на прилавок. Вдруг он заметил краем глаза нежный переливчатый рулон. — Ой, а это у вас шёлк? Отрежьте и его немного. Только совсем чуть-чуть — он ведь страшно дорогой, да и рвётся быстро, говорят. Давайте... ну, скажем, чи пять. Хватит ведь?

У паренька окончательно отнялся язык. Он прижал ладонь к груди, судорожно хватая ртом воздух, словно его только что огрели пыльным мешком.

<http://bllate.org/book/18166/1752668>